

Павел Сочнев

Размышлялки

Серые

Павел Сочнев

**Размышлялки. Небо, смена,
осень, сон и другие. Сборник**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Сочнев П. Н.

Размышлялки. Небо, смена, осень, сон и другие. Сборник /
П. Н. Сочнев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Короткие очерки-размышления. Как иногда интересно бывает разобрать самого себя, свои мысли, поступки, желания. Ответить на вопросы «Зачем?», «Почему?». Максимально честно самого себя спросить и так же честно себе ответить. И тогда, если получилось хоть и не абсолютно честно, но более честно, чем в прошлый раз, человек становится немного другим. И, если получится – записать. Такие вот размышления о светлом будущем, жизни, сне.

Содержание

Что такое—жизнь?	5
Небо	6
Похороны	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Что такое–жизнь?

Как-то весной поехал в Пермь, «грызть гранит науки». Период был какой-то суетливый – работа не клеилась, быт заедал, машину надо было сдавать в ремонт, ещё и в больницу положили – сердце нашли и врачам оно не понравилось. В связи с кучей дел, пришлось сбежать из больницы и выехать рано. Ещё затемно, чтобы всё успеть.

Для полноты ощущений в эту ночь переводили часы на летнее время. Я про это совсем забыл, точнее не сильно то и помнил. «Доброе» «Авторадио» освежило память и времени на путь до Перми стало на час меньше. Его и раньше было на час меньше, но я об этом не знал.

Полученные знания радости не принесли. Вот так и ехал в грязной (снаружи) машине по грязной и обледенелой дороге, среди грязных сугробов с каким-то одноцветным настроением. Состояние, тоже было из описываемого цветового спектра – какое-то непонятно серое.

«Авторадио» то пело, то что-то бормотало про курсы валют, катастрофы и иные гадости. И вдруг – «Призрачно всё, в этом мире бушующем. Есть только миг, за него и держись. Есть только миг между прошлым и будущим. Именно он называется жизнь...». Очень хорошая песня.

И почему-то прошлое ушло в прошлое, будущее, растворившись где-то далеко впереди, стало дожидаться моего появления, а я остался в настоящем. На весенней дороге, среди просыпающейся, после зимы, природы, в удобной комфортной и очень надёжной машине, которая несла меня через настоящее из прошлого в будущее. А оно, это будущее, почему-то потеряло оттенки, но хуже от этого не стало. Оно у меня было. И это радовало. Хорошо, когда у тебя в настоящем есть будущее. Которое каждый миг становится прошлым. И это прошлое – тоже твоё.

Мысли, чуть-чуть посидев в настоящем, вернулись в прошлое. Нет не все, кто-то остался со мной, а те – из прошлого расковыряли то, что я видел не более полугода назад. «Краз» с трапом, обутый в колёса – «лапти», со швеллером вместо бампера врезался в синюю легковушку. Мне, почему то, показалось, что это была «Рено». Может быть, это не «Краз» врезался, а в него. Это было не важно, я не собирался определять степень вины водителей, я просто увидел, что они встретились. У «Краза» на бампере–швеллере осталась синяя краска. От легковушки остались разбросанные синие жестянки, осколки стекол, обломки пластика и укрытое какой-то тряпкой тело женщины. Чья-то мать, сестра, дочь или жена. Она была. Теперь у неё ничего не осталось, а у тех, кто её знал – только прошлое. Разное прошлое и страшное настоящее. Оно уже тоже прошлое. Но для тех, которые узнают об аварии позже, оно станет настоящим потом и сразу же прошлым. Как точка в рассказе. Прошлое, после которого уже ничего не будет.

До, будут воспоминания, детство, юность, радость и огорчения, какие-то встречи, какие-то дела, фотографии, письма, разговоры. А после – только фотография и эпитафия. И настоящее, и будущее будет у других, а она останется в прошлом.

А у меня, пока я в своём настоящем, – всё замечательно, до тех пор, пока к настоящему приложено будущее. Как жаль, что я часто, забываю об этом – о том, что если есть будущее – то это ХОРОШО. Любое будущее – это хорошо. А если его не будет – не будет и меня. А мне будет уже всё равно. Я останусь в прошлом. И чем больше пройдёт времени, тем дальше я буду уходить от настоящего, до тех пор, пока не скроюсь маленькой точкой на горизонте чьей-то памяти. Потом – когда моё настоящее окажется без моего будущего. Тогда моё прошлое станет уже не моим, а чьим-то.

Небо

В детстве я очень любил лёжа смотреть в небо. Днём чистое небо накрывало меня своим бездонным голубым куполом. Высоко летящие самолёты только подчёркивали эту бесконечность. Они, огромные на земле, казались крошечными в бездонности неба. А я – букашка по сравнению даже с самым маленьким самолётом, кто я для неба?

Умудрённый опытом семи прожитых лет, вдруг понимал, что моя уже прожитая жизнь и многие годы ещё не прожитой, не такие уж и многие, точнее никакие. Конечность любой человеческой жизни ещё более умалялась бесконечностью этого голубого купола. Очень не хотелось быстро взрослеть, стареть и тем более умереть. Но небо, абсолютно беспристрастно, показывало, что всё познаётся в сравнении и сравнение человеческой жизни с ним – неудачное для человека.

Если долго лёжа смотреть в небо, то приходит ощущение падения в эту бездну. Оно как бы затягивает. И когда страх от философских мыслей и ощущение затягивания начинали вызывать безысходную тоску, я садился. Всё. Всё земное, всё конечное, имеющее границы – трава, лес, сопки, море. А про небо старался забыть, выгнать пришедшие мысли, чтобы не было так очень тоскливо.

Ночью из чёрной бесконечности, на меня, мерцая, смотрело бесчисленное количество крошечных звёздочек. Они были настолько малы, и их было так много, что казались просто пылью. Их было очень много, они были далеко, но ещё больше было так далеко, что я даже и не видел. И если бы смотрел в телескоп, то увидел бы больше звёзд, но ещё больше были бы не видимы даже в телескоп.

Многие из них больше солнца. Они собираются в свои системы, галактики. Вокруг них кружатся планеты. Никогда на них не побываю, я даже не узнаю об их существовании. Ведь Земля, огромная Земля, очень маленькая планета. А я живу в домике на окраине большого посёлка. Его даже хотели назвать городом, но что-то не сложилось, и он остался посёлком. Маленьким посёлком на острове. На одном из самых крупных островов, но настолько маленьким, что во время шторма взлетевших ворон переносит через остров, с одного побережья на другое.

Остров является кусочком территории огромной страны, настолько огромной, что, бывая в отпуске на материке, я иногда объяснял своим новым знакомым, где находится Сахалин и где я живу на Сахалине, а плавать я не умею, потому что живу очень далеко от моря – метров 300.

Если смотреть на карте, которая есть в старом учебнике старшего брата, то наше государство окрашено в розовый цвет и занимает очень много места, но не всё Разноцветными пятнами отмечены другие государства. Их очень много, некоторые почти такие же большие как наше. И они, все вместе, занимают очень много места – больше чем мы. В них не знают, что есть я, наверно не знают, что есть мой посёлок, может быть не знают, что есть наш остров, а может быть даже некоторые не знают, что есть наша страна. Нет, точно не знают, что есть я. Не знаю почему, но очень хотелось, чтобы знали.

Государства учат своих граждан, торгуют с соседями, что-то строят, выращивают, собирают и ловят, а ещё гордятся своей армией, которая год от года всё сильнее и сильнее, и если что, то мы им покажем, и может даже «как один умрём». Это очень героично – умереть за... И можно стать героем, и назовут школу, и будут рассказывать детям. А я не узнаю. Ведь погибну и всё. А может, не будут рассказывать, и не назовут, или вообще не заметят, и не стану героем. А если погибну, то не смогу объяснить, какой это геройский поступок. И точно, наверно не заметят. Или забудут. Ведь тот дед с выцветшими до бела глазами, который к своей очень маленькой пенсии собирает и сдаёт бутылки и ходит в чистеньком, аккуратном, но очень ста-

ром пиджаке, он говорил, что брал Зимний. Он сверг царя, он пусть и не герой, но он история – наша история, он столько мог бы рассказать о том, как боролся за Советскую власть. Может быть с револьвером, или на тачанке, или с саблей. А может быть с револьвером, с саблей и на тачанке! Или на бронепоезде. Зачем на бронепоезде сабля? Пусть будет, потому что вдруг с бронепоезда на тачанку... а он здесь, на Сахалине и пенсия очень маленькая. Про него живого забыли.

А звезды, мерцая, смотрят на меня с ночного неба. Никогда не узнаю о том, что может быть где-то есть жизнь, и тем более не побываю на планетах. Будет некогда, уже некогда. Надо учиться, строить, выращивать, собирать, ловить и гордится своей армией и если что, то, как один...

А если есть жизнь на других планетах, то они никогда не узнают, что есть я. Я живу в огромной стране, на одном из самых больших островов, в маленьком домике рядом с кладбищем, на окраине маленького приморского посёлка.

Мне будет некогда, а они не заметят. Значит просто жить? Как тоскливо. Жить и про тебя никто не знает. Жить ни зачем.

Не надо об этом думать. С утра сделаю космический корабль, или танк, или крейсер, или бронепоезд. И обязательно кого ни будь победю. Или героически погибну. И вечером устало приду домой и за ужином буду вспоминать все приключения, а завтра меня подобьют, а я всё равно героически отремонтируюсь и вернусь домой... И устало выйду из корабля, или вылезу из танка, а может быть с капитанского мостика крейсера мужественно посмотрю на дом, огород. Героям не пристало хвалиться, и родители не узнают, какой я герой.

А небо? Днём будет некогда, а к ночи я устану, и буду спать. Смотреть в небо и думать – это страшно не только детям. И мы играем. Дети в детские игры, а взрослые в настоящие взрослые игры. И не смотрим в небо, не потому что некогда, а потому что страшно и безысходно. Это глупо просто долго смотреть в небо, ведь столько важных серьёзных взрослых игрушечных дел. Этим всем надо заниматься.

А моя старенькая мама как-то грустно сказала: «Как быстро жизнь пролетела».

Похороны

Наш дом стоял в конце улицы, почти на вершине сопки. С одной стороны открывался замечательный вид на море и посёлок. Вечером хорошо было сидеть на горке «горбыля» и любоваться закатами. Они никогда не повторялись. Или смотреть на посёлок.

Осенью в залив входила целая флотилия сейнеров, они ловили селёдку. И тихоокеанскую и иваси. Днём было просто много кораблей, а ночью это был целый город, больше и светлее нашего посёлка. Там была другая жизнь. Неизвестна, но романтическая и манящая.

А с другой стороны, прямо за огородом, стоял лес, который я называл «чёрным», было кладбище, и ещё дальше, до другого побережья, сопки и овраги.

Дорога на кладбище проходила прямо за огородом, поэтому я видел все похороны. Если был дома.

В те, уже, наверное, стародавние времена, почти всегда хоронили с духовым оркестром. Он приезжал из райцентра и, вне зависимости от положения дома, где умер человек, процессия сначала выходила на центральную улицу и двигалась по ней, делая большую петлю и проходя, как минимум, через пол посёлка. Даже если покойник жил рядом с кладбищем.

В посёлке было два железнодорожных вокзала – Ильинск, второй Ильинск, а кладбище, зачастую называли третьим Ильинском. Как последний в жизни вокзал.

Иногда я тоже шёл с похоронной процессией. Из детского, неосознанного любопытства. Весёлые музыканты играли протяжные печальные мелодии, дуя в трубы, гремя тарелками и бухая в огромный барабан. А когда они прерывались для отдыха, снова становились весёлыми и запросто могли потрепать, снующих туда-сюда пацанов, по макушке.

Огромных процессий не было, наверно из-за небольшого количества людей, проживавших в посёлке. Но и мало людей, тоже не было. Потому, что все друг друга знали.

Многие люди, идущие в процессиях, чтит память усопшего только своим присутствием. Почему только присутствием? Потому что, идя за машиной с гробом, говорили о чём угодно. Но говорили в полголоса, не смеялись и не шутили. Те, что несли венки, были особенно задумчивыми, но тоже, не изображали вселенской скорби.

Громко, навзрыд, но неразборчиво голосили только женщины, сидящие на машине у гроба. Почему они голосили и плакали, я не знал, да особо и не задумывался. Человек умер. Конечно, грустно, но что поделать. Так случается.

Сам я умирать пока не собирался и мысли, о неизбежной смерти, навевали тоску, только когда я смотрел в небо. Родители были ещё молодые и, тоже, к своим похоронам не готовились. Как все дети, я не часто думал, что будет потом. «Потом» распространялось на завтра, Новый год, 1 сентября и другие значительные даты. Дня своего рождения я не помнил, никогда к нему не готовился и подарки не заказывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.